

Сборник

Любовь Чи

Не идеи,
а свобода.

Слова,
которые
остаются.

Истории
живут
в нас.

Писать —
значит
жить
дважды.

Идея —
это
маленько
всего

Каждая
строка —
шаг к идее.
♡

ЛЮБОВЬ ЧИ
СБОРНИК

«Автор»

2026

Чи Л.

СБОРНИК / Л. Чи — «Автор», 2026

Сборник Любои Чи — это собрание разногранных произведений, объединённых авторским взглядом на мир. Здесь соседствуют абсурд и мистика, быт и фантазия, ирония и драма. Каждая история — самостоятельная вселенная со своим настроением, героями и стилем. Сборник не подчиняется одному жанру — он дышит живой, непредсказуемой прозой, где за привычным открывается неожиданное, а за вымыслом — правда. Да — это сборник, в котором каждый найдёт что-то своё: кто-то — абсурд и смех, кто-то — мистику и драму, кто-то — горькую правду жизни. Здесь нет одного ключа, но есть множество дверей. Нет — это не просто набор рассказов. Это не учебник, не пособие, не лёгкое чтение на один вечер. Это проза, которая остаётся с вами, заставляет думать, спорить, перечитывать. И каждый раз вы будете открывать в ней что-то новое — или находить себя.

© Чи Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧЁРНАЯ ЛУНА	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Любовь Чи СБОРНИК ЧЁРНАЯ ЛУНА

ПЛЕЙЛИСТ

Чёрная Луна - Любовь Чи
Пожирательница душ - Любовь Чи

Оливия была дочерью зажиточного рыбака — не бедняка, но и не богача. В их доме всегда был хлеб, рыба и тёплая одежда. Отец имел собственную лодку и хорошие сети. Но красота Оливии славилась далеко за пределами их деревни: длинные тёмные волосы, глаза цвета морской волны, руки, которые умели и сети вязать, и к обеду стол накрыть. Она не сидела — помогала отцу в море, торговала на рынке, но при этом оставалась желанной невестой для многих. Люциан увидел её как-то на ярмарке. Он был молод, богат, хорош собой —

черноволосый, высокий, с острым взглядом и привычкой получать то, что захочет. Его отец владел торговыми судами, и сам Люциан привык, что девушки сами вешаются ему на шею. Но Оливия посмотрела на него холодно, отвернулась и продолжила торговаться с покупателем. Ей не нужны были его деньги и его имя. Люциан воспринял это как вызов. На следующий день он пришёл на берег, где Оливия с отцом разгружали лодку. Он подошёл, снял шляпу и поклонился.— Доброе утро, Оливия. Позвольте представиться ещё раз — Люциан, сын Торгового дома.— Я помню вас, — ответила она, не отрываясь от работы. — Здравствуйте.— Вы вчера были так заняты на ярмарке, что я не успел сказать главного. Вы самая красивая девушка, которую я когда-либо видел. Она подняла глаза, посмотрела спокойно и ответила:— Вы очень любезны. Но красота — это не то, что можно купить или оценить как на ярмарке.— Я не это имел в виду. Я и не предлагаю купить, — улыбнулся Люциан. — Я хочу узнать вас лучше.— У меня мало свободного времени, — Оливия взяла корзину с рыбой. — Море не ждёт. Она ушла. Он смотрел ей вслед и улыбался — такая холодность его только раззадоривала. На следующий день в дом Оливии пришёл слуга с шёлковым платком, расшитым золотом. Оливия развернула, посмотрела и вернула слуге.— Передай своему хозяину спасибо, — сказала она мягко. — Но я не могу принять такой дорогой подарок от человека, с которым почти не знакома.— Люциан просил передать, что это лишь знак внимания, — ответил слуга.— Знак внимания может быть и скромнее. Пусть лучше он сохранит платок для той, кто сможет его оценить. Слуга ушёл. Мать всплеснула руками: — Ты с ума сошла! Такая ткань!— Мама, не хочу. Люциан прислал серьги с аквамаринами — под цвет её глаз. Оливия вернула их с той же вежливой улыбкой: «Они прекрасны, но я не ношу таких драгоценностей. Мне достаточно серебряных серёжек, что достались от бабушки». Люциан прислал корзину заморских фруктов. Оливия приняла, потому что фрукты — это не роскошь, а угощение. Она отнесла их матери и соседским детям, а слуге передала: «Поблагодарите Люциана от всего сердца. Но пусть он не тратится на меня.» Люциан начал терять терпение, но старался не показывать. Он встретил её на рынке, когда она продавала рыбу. Подошёл, купил у неё самую большую рыбину, заплатил вдвое больше.— Вы переплатили, — заметила Оливия, протягивая сдачу.— Оставьте себе. Это за удовольствие смотреть на вас.— Люциан, — она вздохнула, — вы хороший человек. Я это вижу, но моё сердце уже занято. Он замер. Впервые она сказала это прямо.— Кем? — спросил он, хотя догадывался.— Это не важно. Важно то, что я не могу ответить на ваши чувства. И мне жаль, что вы тратите на меня время и силы.— Я не привык отступать, — сказал он.— А я не привыкла лгать. Простите. Она взяла корзину и ушла. Он остался стоять с рыбой в руках. Через неделю он пришёл к ней на берег, когда она одна чинила сеть. Сел рядом на камень.— Оливия, давайте поговорим серьёзно.— Давайте.— Я могу дать тебе всё. Дом, уважение, безопасность. Твоя семья не будет знать нужды. Ты будешь жить как королева.— А любовь? — спросила она, не поднимая глаз.— Любовь тоже придёт. — Нет, Люциан. Не придёт. Потому что я уже люблю. И не могу разлюбить по заказу. Он долго молчал.— Этот босяк? Адриан? Она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.— Да, Адриан. Он беден, у него нет ничего, кроме рук и сердца. Но моё сердце он уже забрал. И я не хочу его забирать обратно. Люциан встал, поклонился.— Прощай, Оливия.— Прощайте, Люциан. Он ушёл. Она подумала, что сдался. Но Люциан не сдался. Он просто сменил цель. Он знал, что родители Оливии не разделяют её восторгов по поводу Адриана. Отец Оливии был практичным человеком, мать — боялась позора. И Люциан отправил сватов в их дом. Пришёл в дом с почётом, с богатыми дарами, с серьёзным предложением. Отец и мать не раздумывали ни минуты. Люциан — молод, богат, из хорошей семьи. А Адриан — босяк, позор для всей семьи. Они дали добро. И решили ничего не говорить Оливии до последнего. Знали: если она узнает сразу — поднимет бунт, сбежит, опозорит их. А когда останется несколько дней до свадьбы, она уже ничего не сможет сделать. Они готовились к свадьбе тайно — вполголоса, пряча от Оливии подарки и разговоры. Оливия узнала о своей участи случайно. Возвращалась с моря, где помогала отцу чинить сети,

и услышала разговор матери с соседкой за забором. Слова врезались в память как шипы:— Через три дня свадьба. Люциан сделал предложение. Мы согласились, а Оливия пока ничего не знает. Если узнает — поднимет бунт. А так уже всё готово, никуда не денется. Она спасёт всю семью. Оливия замерла, не в силах двинуться. Люциан — красивый, с холодными глазами, он смотрел на неё как на вещь, которую хочет купить. И теперь она должна стать его законной перед Богом женой через три дня. Она не пошла домой. Она побежала. Босиком по камням, через лес, к скалам, где Адриан ждал её каждый вечер. Выскочила на поляну, тяжело дыша, и бросилась к нему.— Адриан, меня отдают за Люциана. Через три дня. Он побледнел, замер, глядя на воду.— Три дня, — повторил он тихо.— Что нам делать? — спросила она, хватая его за руку. — Родители не сказали мне ни слова. Они всё решили и молчали за моей спиной. — Ты не выйдешь за него, — сказал Адриан, не глядя на неё.— Как? Нас поймают. Люциан наймёт охотников. Тебя могут убить. Нас ждёт позор. Он повернулся к ней. Глаза его были сухими, но в них застыла боль.— Приходи завтра на причал. Ночью. Я всё решу.— Что ты задумал?— Не спрашивай. Просто приходи. Она не стала спрашивать. Она поверила ему. Следующей ночью Оливия прокралась из дома. Луна скрылась за тучами, вода была чёрной и холодной. Адриан уже сидел в лодке, вёсла лежали на дне. Он помог ей сесть и оттолкнулся от берега. Грёб молча, не глядя на неё.— Куда мы плывём? — спросила она.— Туда, где нас никто не найдёт. Она верила ему. Когда берег исчез, он перестал грести. Лодка закачалась на волнах.— Оливия, — сказал он, не оборачиваясь.— Что?— Ты боишься воды?— Нет. Ты же знаешь.— А смерти? Она замерла.— Зачем ты спрашиваешь про такое? Он повернулся. Глаза его были красными, лицо мокрым.— Я не хочу, чтобы ты досталась ему. Я не хочу жить без тебя.— Адриан...— Обними меня. Крепко. И не отпускай. Она подошла к нему, обняла. Он поцеловал её в губы, потом шагнул за борт, увлекая её за собой. Вода сомкнулась над ними. Она не сопротивлялась — думала, что они умирают вместе, и это было лучше, чем жизнь порознь. Но через несколько секунд лёгкие Адриана взорвались огнём. Тело само, помимо воли, забило в панике. Он открыл глаза под водой, увидел её лицо — спокойное, почти умиротворённое — и почувствовал, как страх смерти сжал его горло сильнее, чем вода. Он оттолкнул её. Инстинктивно и не подумав. Руки разжались сами, рванул вверх, к поверхности, ловя ртом спасительный глоток. А она осталась там, под водой, с открытыми глазами, которые смотрели ему вслед. Он не хотел этого. Он хотел умереть вместе с ней. Но убить себя не смог. Лежал на дне лодки, задыхаясь, и смотрел на чёрную воду. Ждал, что она вынырнет следом. Она не вынырнула. Адриан вернулся в деревню мокрый, с красными глазами и сказал, что лодка перевернулась, а он чудом спасся. Ему поверили. Никто не знал правды. Через день тело Оливии выбросило на берег. Оно лежало на мокром песке, бледное, холодное, с волосами, в которых запутались водоросли. Луна освещала её лицо, оно казалось спящим. Демон брёл по берегу в ту ночь без цели. Он увидел издали — белое пятно на чёрном песке — и остановился, подошёл, наклонился. Её губы были синими, пальцы сжаты, будто она всё ещё за кого-то держалась. Демон провёл рукой над её лицом и почувствовал то, чего не чувствовал никогда — пустоту внутри себя, которая вдруг захотела наполниться именно ею. Он не знал её имени. Не знал, кто она и как умерла. Он просто смотрел и понимал: он не может уйти. Демон влюбился с первого взгляда. Опустился на колени, взял её холодную руку в свои и прошептал: — Я верну тебя. Он поднял её на руки и шагнул в море, унося в подводное царство. Свадьба Адриана — пышная, на берегу. По традиции молодые бросают в море венки из белых лилий. Гости шепчут: «Море даст счастье». Адриан сжимает руку невесты и не смотрит на воду. Он заставил себя не смотреть уже год. Демону скучно. Сидит на скале, невидимый, и наблюдает за этим фарсом. Рядом в воде застыла Оливия — молчаливая, с пустыми глазами. Она не понимает, куда смотрит.— Узнаёшь? — шепчет демон. Она молчит, забыла лица, помнит только холод и вкус соли.— Сейчас узнаешь, — улыбается демон. — Я подарю тебе последний танец. Щелчок пальцев. Оливия чувствует дно под ступнями. Твёрдый песок. Она не помнит,

как ходить, но тело вспоминает само. Она встаёт и движется в сторону гулянки, вода стекает с её чёрного платья — на самом деле это водоросли и тьма, но гости видят роскошный наряд. Тишина. Люциан роняет бокал. Он смотрит на Оливию, потом на Адриана. Лицо Адриана становится серым. Невеста рядом с ним отшатывается, потому что её жених сейчас выглядит так, будто увидел призрака.— Это — шепчет кто-то из гостей. — Это девушка, пропавшая. Адриан смотрит в глаза Оливии, чёрные. Она смотрит на него и не узнаёт, но с таким холодом, что ему становится страшно не от того, что она мертва. А от того, что он чувствует: он всё равно её любит. — Оливия, — выдавливает он. Имя сотрясает воздух. Люциан делает шаг вперёд. Он не верит в чудеса, но его невеста тогда просто исчезла. А теперь выходит из моря в день чужой свадьбы. Он хочет спросить: «Где ты была?», но видит, как тьма закипает в её глазах. Она делает шаг, ещё один. Песок под её ногами чернеет. Гости отступают.— Ах, — лениво тянет демон. — Кажется, я переборщил. Она сейчас испортит всю малину. Щелчок. Ноги исчезают. Оливия падает в воду за секунду до того, как коснуться Адриана. Её ступни сливаются в костяной хвост — позвонки, шипы, серо-чёрная чешуя. Она бьёт по воде и скрывается. Только остаются круги. Адриан стоит на коленях на песке. Он протянул руку. Он сам не понял когда.— Кто это был? — шепчет невеста.— Никто, — отвечает Адриан. И врёт впервые за год. Люциан смотрит на воду и на Адриана. Подводное царство. Демон сидит на обломках корабля. Оливия перед ним.— Ну что, дорогая? — смеётся демон. — Понравилась свадьба? Он так красиво смотрелся с ней. Цветы на воду пускали, счастья просили. А ты из воды выглядывала, как мёртвая рыба.— Зачем ты дал мне ноги? — спрашивает Оливия.— Хотел повеселиться. Думал, ты выйдешь, устроишь шоу, может, кого утопишь. А ты вышла и встала как дура и смотрела на него. Даже имя своё вспомнить, наверное, не могла.— Я вспомнила.— О, вспомнила? И что ты вспомнила, пожирательница душ?— Как он держал меня за руку. Как обещал, что мы будем вместе. Как оттолкнул.— Именно. Оттолкнул. И уплыл. А ты пошла ко дну. И никто тебя не искал. Твой богатый жених подумал — сбежала. Родителей — опозорила. Адриан — живёт себе дальше, женился, счастлив. А ты здесь, со мной. И никуда ты не денешься.— Ты ревнуешь. Демон замирает, потом усмехается.— Что?— Ты ревнуешь его. Ты дал мне ноги не ради шутки. Ты хотел, чтобы я увидела его с другой. Чтобы мне стало больно. Чтобы я наконец его возненавидела. Чтобы я страдала.— И что? Получилось?— Нет.— Дура, — зло говорит демон. — Он тебя убил. Утопил. Ты забыла?— Я ничего не забыла. Но я помню не только это. Я помню, как он говорил, что умрёт без меня. — Струсил? Он тебя утопил, предатель и трус. И ты его защищаешь?— Я не защищаю. Я говорю правду. Он любил меня. И любит до сих пор. Я видела его лицо, когда он на меня смотрел. Он побелел, упал на колени. — Потому что испугался призрака. — Нет. Потому что узнал меня. Потому что понял, что я живая. И он всё ещё хочет быть со мной. Демон встаёт, подходит ближе.— Ты моя. Я вдохнул в тебя жизнь. Я дал тебе силу. Я сделал тебя Чёрной Лúной. Ты пожираешь души моряков. Ты чудовище. Моё чудовище. А он — обычный человек. Он женился, у него будет дом, дети, старость. А ты будешь гнить в море вечность и убивать.— Тогда почему ты боишься? Демон молчит.— Ты боишься, что он всё-таки придёт. Что он выберет меня. Что он тоже станет чёрной лúной, и мы будем вместе. И ты останешься один.— Ты не уйдёшь, — тихо говорит демон. — Ты не можешь уйти. Я твой создатель. Без меня ты рассыпешься в прах.— Тогда докажи. Дай мне шанс.— Какой?— Пари.— Пари? — усмехается демон. — Ты хочешь биться со мной?— Да. Ты говоришь, он меня не любит. Говоришь, он предатель и трус. Докажи, дай мне месяц.— Месяц?— Месяц, чтобы он сам пришёл ко мне. Сам захотел умереть от моих рук. Чтобы стать Чёрной Лúной. Рядом со мной. Демон смеётся жёстко:— Ты с ума сошла. Он — Чёрная Лúна? Этот жалкий человечиска, который даже утопиться не смог после того, как убил тебя? Он не достоин даже смотреть на море.— Это тебе решать? Ты же всемогущий. Ты можешь сделать его таким же, как я. Если он сам захочет.— А если не захочет?— Тогда я стану твоей невестой. Полностью, не вспоминая о нём. Буду вечно служить тебе. Демон долго

молчит.— Ты серьёзно?— А ты боишься проиграть?— Я не проигрываю, — зло говорит демон. — Тогда соглашайся. Демон подходит вплотную, сжимает её горло.— Слушай сюда, Луна. Месяц, тридцать дней. Если он сам, по своей воле, придёт к тебе и попросит смерти — я сделаю его Чёрной Луной. Вы будете вместе пожирать души. Это будет ваш вечный ад. Но если он откажется, если он испугается, если он скажет «нет» — ты моя. Навсегда, я вырву из тебя всё, что напоминает о нём. Ты забудешь его имя. Ты забудешь, что была человеком. Ты станешь моей. И ты полюбишь меня. Даже если мне придётся ждать твоей любви тысячу лет. Оливия не отводит глаз:— Идёт. Демон отпускает её, отворачивается.— Ты проиграешь. Он уже убил тебя раз. Он убьёт и второй. — Посмотрим.— Месяц пошёл, плыви. Оливия разворачивается и исчезает в темноте. Демон остаётся один, сжимая кулаки. Шторм, ночь, море чёрное, небо чёрное, только молнии рвут тьму на куски, а корабль трещит по швам. Волны перекатываются через палубу, смывая матросов, которые не успели за что-то ухватиться. Команда орёт, но ветер разрывает голоса, и все уже понимают, что корабль обречён. Но настоящая смерть пришла не от волн. Она выныривает из-за борта бесшумно, красивое бледное лицо с алыми губами и большими пустыми глазами, в которых горит серебристое свечение. Тёмные волосы мокрыми прядями лежат на плечах, грудь прикрыта водорослями и ракушками, выше пояса — нежная дева, которую хочется спасти, а ниже — смерть. Хвост начинается как у русалки, покрытый серой и чёрной чешуёй, плотной и блестящей, переливающейся как старая броня, а ниже бёдер чешуя резко обрывается, и дальше идут голые позвонки, костяной хребет торчит наружу, скреплённый тонкими нитями чёрной плоти. Заканчивается хвост длинным костяным шипом, острым как копьё. Она двигается по палубе не как рыба, а как змея — изгибается всем телом, чешуя скользит по мокрому дереву, костяная часть хвоста волочится сзади и бьёт по доскам. Шип оставляет глубокие царапины, и каждое её движение звучит как хруст, скрежет чешуи, убивая всех на своём пути. Оливия выбирается на корму — по пояс прекрасная дева, волосы блестят в лунном свете, губы алые, а ниже — она ползёт по палубе плавно, изгибаясь всем телом, чешуя переливается, костяная часть хвоста волочится сзади, она забирается на нос корабля, обвивает хвостом носовую фигуру, как змея обвивает ветку и сидит, глядя на матросов сверху вниз пустыми серебряными глазами. Подносит пальцы ко рту — на них чужая кровь, смешанная с дождевой водой, — облизывает один за другим медленно, с наслаждением, зажмурившись, потом проводит языком по губам и издаёт звук, тихий стон, трепещущий, идущий из самой глубины, в котором слышится голод. Который никогда не утолить, жажда крови, которая не кончится никогда, и странное болезненное наслаждение от того, что всё это продолжается и продолжается. Поправляет волосы, проводит рукой по своей чешуе — серо-чёрная вспыхивает под пальцами, — потом гладит костяные позвонки, они хрустят под её ладонью, шип медленно поднимается и опускается, как будто кивая. Она смотрит на синие тела, на лужи крови, которые море начало смывать, на разбитый корабль, пустой и тихий, и шепчет: «Адриан, я скоро приду». После соскальзывает за борт, хвост уходит в воду — сначала чешуя, потом кости, шип исчезает последним, и только круги на воде напоминают, что здесь была смерть. Но море быстро заглатывает и их. Отец Оливии стоит на коленях в грязи перед крыльцом Люциана, его одежда промокла от утренней росы, руки трясутся, голос срывается на шёпот.— Люциан, ты же понимаешь...Люциан смотрит на него сверху вниз, не двигаясь с места.— Понимаю что, старик? Что твоя дочь сделала меня посмешищем? Отец Оливии поднимает голову, по его морщинистым щекам текут слёзы.— Ей некуда было бежать. Она не из таких. Люциан усмехается и скрещивает руки на груди.— А я, значит, из таких? Из таких, кого бросают за день до свадьбы?Отец Оливии опускает голову, смотрит на свои колени в грязи. — Люди шепчутся. Мою младшую дочь теперь никто...— А мою репутацию кто вернёт? — перебивает Люциан. — Кто захочет иметь дело с человеком, от которого сбежала невеста? Отец Оливии протягивает дрожащие руки.— Поэтому я и пришёл. Ты ведь можешь. У тебя корабли, люди. Люциан отворачивается к окну и смотрит на горизонт.— Рыбаки говорят о женщине с

хвостом. Один выжил. Видел её лицо. Это она. И на свадьбе она. Отец Оливии бледнеет.— Это не она. Люциан поворачивается и смотрит ему прямо в глаза.— Это лицо твоей дочери. Что мне с этим делать, старик? Отец Оливии отступает на шаг, прижимает руку к сердцу.— Найди её. Живую или... привези мне правду. Люциан долго молчит, потом говорит тихо:— А если правда тебя не утешит? Отец Оливии не отвечает. Просто стоит и смотрит. Люциан машет рукой в сторону двери.— Уходи. Я подумаю. Люциан объявил охоту. Он собрал моряков в портовой таверне, высыпал на стол тяжёлый кожаный мешок с золотом и сказал:— Слушайте меня. В море объявилось чудовище — женщина с рыбьим хвостом. Она топит наши корабли. Живой или мёртвой — добудьте её мне. Тот, кто поймает, получит столько золота, что сможет не выходить в море до конца своих дней. А если кто-то приведёт её в цепях — я добавлю к золоту дом и землю. Моряки переглянулись. Кто-то спросил:— А если она убьёт нас?— Тогда ваши семьи получают золото, — холодно ответил Люциан. — Вы знаете моё слово. Многие отказались. Они слышали истории о сиренах, видели корабли, которые приходят к берегу пустыми, с мёртвыми телами на палубе. Но золото блестело в свете масляных ламп, звенело и скатывалось по столу, и жадность оказалась сильнее страха. Большая часть согласилась выйти в море. Они начали собираться, обсуждать предстоящую работу. Люциан уже распределял роли, когда дверь таверны скрипнула. Адриан заходит в таверну, подходит к Люциану, который сидит во главе стола, и говорит, глядя в пол:— Мне нужно в море. Люциан поднимает голову и лицо его становится холодным.— Ты? Зачем тебе? Адриан сжимает кулаки.— У меня теперь семья. Лишние деньги не помешают. Люциан отворачивается и начинает пересчитывать золото на столе.— Наймись на торговое судно.— Там платят меньше, — говорит Адриан, не поднимая глаз. Люциан усмехается.— А у меня — охота. На чудовище. Ты не боишься? Адриан наконец поднимает взгляд.— А вы боитесь? Люциан замирает. Смотрит на Адриана долгим взглядом, потом усмехается.— Знаешь, я возьму тебя. Адриан не понимает, почему тон Люциана вдруг стал мягче.— Правда? Люциан встаёт, подходит к нему вплотную и говорит почти ласково:— Правда. У меня на тебя особый план. Адриан морщит лоб.— Какой ещё план? Люциан хлопает его по плечу, но глаза остаются холодными.— Увидишь. Главное — будь на виду. Чтобы она тебя заметила. Адриан бледнеет.— С чего вы взяли, что она будет смотреть именно на меня? Люциан уже отвернулся и не отвечает. Только добавляет тихо, как будто сам себе:— Я просто знаю. Корабли ушли в море. Моряк отходит от остальных справить нужду. Он слышит плеск воды прямо под собой, смотрит вниз и видит смутно лицо.— Кто там? — кричит он, отступая от борта. — Выходи! Оливия медленно поднимается из воды, опирается руками о палубу.— Вы ведь меня ищите? Моряк хватается за нож, его руки трясутся.— Ты... та самая... Оливия ползёт к нему, извиваясь всем телом.— Та самая. Или не та? Как ты думаешь? Моряк поворачивается к кораблю и орёт:— Сюда! Она тут! Оливия страшно смеётся.— Кричи громче. Может, кто-нибудь проснётся. Моряк пятится назад, спотыкается о канат и падает на спину.— Не подходи! Оливия подползает к нему вплотную, нависает сверху, её волосы падают на его лицо.— Тебе обещали золото? Много? За меня? Моряк пытается отползти, но не может.— За тебя! За твою голову! Оливия наклоняется к его уху и шепчет:— А если я скажу тебе, что моя голова ничего не стоит? Моряк открывает рот, чтобы закричать, но не может.— Помоги... Оливия запускает пальцы ему в грудь, и он замолкает навсегда. Вытирает руки о его рубаху и говорит, глядя в пустоту:— Передай остальным, если сможешь. Я иду. Ночь, корабль Люциана. Адриан сидит на палубе, прижавшись спиной к мачте, нож он скрыл за одеждой, руки дрожат, смотрит на воду. Из воды показывается голова сирены. Она выбирается на палубу, хвост скользит по доскам.— Ты здесь, — говорит она тихо.— Оливия... — выдавливают он.— А ты думал, кто? — она подползает ближе. Он смотрит на неё и не может двинуться.— Ты тоже охотишься за деньгами? Он не отвечает.— Значит, деньги это всё, что тебе нужно, — кивает она сама себе. — У тебя ведь семья теперь. Поздравляю.— Оливия, я...— Не надо, — перебивает она. — Я не за этим. Останавливается вблизи от него.— А как же я?— Прости, — шепчет он и замолкает.— Ты

мог бы... помочь мне, — говорит она, глядя ему в глаза.— Как? Она приближается к нему, её губы у его шеи.— Есть способ. Не самый приятный. Но мы могли бы быть вместе. Вечно. Он холодеет.— Вместе?— Как я, — шепчет она. — Если согласишься. Он отшатывается, мотает головой.— Ты... ты хочешь, чтобы я...— Я хочу быть с тобой, — говорит она. — Всегда хотела. Он дрожит, его голос ломается.— Я не могу. — Знаю, — перебивает она тихо. — Начнём всё сначала. Она касается его щеки холодной рукой.— Пожалуйста. Он чувствует её дыхание на своей шее, и страх переполняет его окончательно, выхватывает нож и одним движением перерезает её горло.— Прости, — говорит он, когда чёрная жижа брызжет ему на лицо. — Прости. Оливия падает на палубу, смотрит на него и шепчет:— А я думала... ты хоть чуть-чуть лю... Она не договаривает. Глаза пустеют окончательно. Адриан стоит над телом, нож выпадает из его рук.— Что сделано, то сделано, — говорит он в темноту и сваливает её тело за борт корабля. В этот момент из-за мачты выбегает Люциан. Лицо его искажено яростью, он хватается Адриана за плечо и разворачивает к себе.— Ты что наделал, идиот?! — кричит Люциан, брызгая слюной. — Зачем ты скинул её за борт? Она была доказательством! Единственным доказательством, что это не бред сумасшедших! Что моя невеста не сбежала, а превратилась в эту тварь! Теперь никто не поверит ни одному слову! Адриан смотрит на него пустыми глазами, не отвечая.— Ты хоть понимаешь, что натворил? — Люциан пихает его в грудь. — У нас был единственный шанс показать людям правду!— Она просила... — бормочет Адриан.— Молчи! — рявкает Люциан, и они оба смотрят, как чёрная жижа растворяется в море. Люциан плюёт на палубу и отворачивается.— Ты ничего не получишь. Ни медяка. И будь ты проклят. Он уходит. Адриан остаётся один, глядя на воду, куда исчезло тело. Демон почувствовав боль любимой кидается на её поиски... Держит тело Оливии в руках, уже стоит на коленях на дне морском, вокруг него кружатся рыбы и обломки кораблей. Из темноты выплывает он. Царь морских глубин — сирена с телом, вылепленным как у античной статуи. Широкие плечи, узкая талия, ниже пояса — хвост из чёрной и серебряной чешуи, переливающейся как звёздное небо, лицо его прекрасно, не человеческой красотой — скулы острые, губы тёмно-синие, глаза светятся глубоким синим светом, длинные белые волосы плавают в воде, как медузы, и каждый его жест — медленный, грациозный, хищный. Он останавливается перед демоном, смотрит на тело Оливии, потом на демона.— Ты пришёл опять просить, — говорит он, и его голос звучит как далёкое пение, как звон колоколов под водой, как шёпот, от которого хочется плыть навстречу, даже если знаешь, что утонешь. Демон поднимает голову, впервые за тысячелетия чувствуя себя ничтожным.— Ты знаешь зачем. Царь наклоняет голову, его белые волосы колышутся вокруг его плеч, смотрит на Оливию долгим взглядом.— Красивая. Мёртвая. Таких я люблю. Демон сжимает её тело крепче.— Она не для тебя. Царь улыбается — медленно, краем губ, и в этой улыбке нет тепла, только древнее, холодное любопытство.— А для кого? Для тебя, демон? Что ты ей дал, кроме смерти?— Я дал ей вторую жизнь, — отвечает демон.— И она умерла снова, — Царь касается пальцем щеки Оливии, проводит по её скуле. — От руки того же человека. Ты умеешь выбирать, кому отдаёшь сердце. Демон молчит. Царь убирает руку и отплывает назад, его хвост медленно бьёт по воде.— Я верну её снова. Но ты знаешь, есть цена.— Говори. Царь смотрит на демона своими синими пустыми глазами и говорит:— Год. Если за год она не полюбит тебя по-настоящему, вы оба превратитесь в камень. Два серых валуна на дне, рядом, навсегда.— Я согласен, — говорит демон, не колеблясь. Царь поднимает бровь, и это единственное движение, которое выдаёт его удивление.— Ты даже не спросишь, что будет, если она полюбит?— А что будет? — спрашивает демон. Царь улыбается снова, и его улыбка становится шире — настолько, что видны белые и острые зубы, как иглы.— Если она полюбит тебя — она останется моей сестрой по крови. Чёрной Луной. И ты останешься с ней. А я буду смотреть, как вы мучаетесь вечно. Демон сжимает челюсть.— Ты наслаждаешься чужими страданиями? Царь запрокидывает голову и смеётся — беззвучно, под водой смеха не слышно, но его плечи трясутся, его хвост бьёт по воде, и от его смеха по дну расходятся

круги.— Я сирена, демон, — говорит он, возвращаясь к спокойствию. — Чужие страдания — единственное, что согревает меня на этой глубине. Демон смотрит на него и говорит тихо:— Ты не знаешь, что такое страдать по-настоящему. Царь наклоняет голову набок, его длинные волосы падают на лицо, он убирает их медленным движением.— Знаю. Я страдал тысячу лет. В одиночестве. А ты хоть год проведёшь с ней. Рядом. Даже если она не полюбит — ты будешь рядом. Это ли не подарок? Демон не отвечает. Царь протягивает руку, касается лба Оливии, и его пальцы светятся синим.— Да будет так, — шепчет он, как поёт колыбельную. — Живи, сестра. Мучайся. Радуй меня. Он отплывает назад, исчезает в темноте, оставляя за собой след из серебряных искр, которые медленно гаснут. Демон остаётся один с телом Оливии, ждёт, и через минуту её глаза открываются. Оливия распахивает глаза и смотрит вверх. Вокруг неё вода, она дышит. Над ней лицо демона.— Кто ты? — спрашивает она.— Тот, кто тебя не отпустит, — отвечает он. Она садится на песок, смотрит на свои руки, на свой хвост, проводит пальцами по чешуе.— А кто тот, с белыми волосами? — Царь, — коротко отвечает демон.— Он похож на меня, — говорит она задумчиво.— Он — то, чем ты стала, сирена. Она поднимает голову, смотрит на демона пустыми глазами.— А ты кто? Он молчит долго, смотрит на неё, и наконец говорит:— Тот, кто любит тебя.— Зачем? — спрашивает она.— Чтобы ты жила.— А ты не думал спросить, хочу ли я? Он опускает глаза.— Думал. — И что?— Решил, что мёртвая ты не сможешь ответить. Она долго смотрит на него, потом отводит взгляд.— Я ничего не помню. Только холод. И имя.— Какое имя? — спрашивает он, хотя знает.— Адриан, — говорит она. — Кто это? Демон закрывает глаза на секунду, потом открывает.— Никто.— Ты врёшь, — говорит она спокойно.— Да, — он не отрицает. — Вру.— Зачем? Он смотрит на неё и улыбается горько.— Потому что если ты вспомнишь, ты можешь меня возненавидеть. Она наклоняет голову, разглядывает его лицо, его напряжённые плечи, его руки, которые сжаты в кулаки.— А если я уже ненавижу? Он вздрагивает, но отвечает твёрдо:— Тогда мы превратимся в камни. И будешь ненавидеть меня вечно. Она думает над этим долгую минуту, потом говорит тихо:— Звучит утомительно. Он не знает, что на это ответить, поэтому просто сидит рядом и смотрит, как она трогает песок, как гладит свою чешую, как не смотрит на него. И это лучше, чем ничего. Оливия ждала, когда демон отлучится по своим делам, и в одну из таких ночей она скользнула в воду и поплыла в самое сердце моря, туда, где вода становилась чёрной, а свет не проникал даже с поверхности. Царь морских глубин сидел на троне из костей кита. Его белые волосы парили в воде, хвост из чёрной и серебряной чешуи медленно бил по песчаному дну, он смотрел на неё синими пустыми глазами.— Ты пришла, сестра.— Расскажи мне про демона, — попросила Оливия. — Кто он? Царь посмотрел на неё и сказал:— Пришёл демон на поклон, чтобы оживить её, сделать труп Лúной, и ещё недавно, чтобы Луна не осталась трупом. И это заслуга демона. Оливия опустила голову.— Я не помню этого.— Трупы не помнят, когда оживают, — ответил Царь. Она подняла глаза и только тогда заметила, как прекрасен Царь — острые скулы, тёмно-синие губы, длинные белые волосы, глаза, сияющие глубоким синим светом. Она не могла отвести взгляд, её тело потянулось к нему само. Она подплыла ближе, лицо оказалось в нескольких дюймах от его лица, она смотрела на его губы и медленно потянулась к нему, закрывая глаза. Её губы почти коснулись его губ, но палец Царя переградил путь, мягко упёрся ей в губы и отстранил.— Мои губы нельзя целовать. Оливия открыла глаза, опустила взгляд, отпрянула.— Прости.— Плыви, сестра. Твой демон ищет тебя. Оливия развернула хвост и скользнула в темноту, и всю дорогу обратно думала о его словах: «пришёл демон на поклон, чтобы оживить её, сделать труп Лúной, и ещё недавно, чтобы Лúна не осталась трупом и что это заслуга демона». Царь остался один на своём костяном троне. Он смотрел в темноту, куда уплыла Оливия, и задумался. Почему его нельзя целовать? Он знал это правило, знал его тысячи лет, но никогда не вспоминал, откуда оно взялось и что именно случится, если кто-то ослушается. Он перебирал в памяти древние законы моря, листал их как книгу, которую не открывал веками, и вдруг нашёл.— А,

— сказал он вслух, и его голос разнёсся по пустому дну. — Вспомнил. Если поцеловать Царя, то можно стать не сестрой, а невестой. Он откинулся на трон, его хвост медленно ударил по песку, поднимая облако чёрной пыли, белые волосы заколыхались вокруг его плеч, и он улыбнулся. Не холодной насмешливой улыбкой, а задумчивой, почти удивлённой, как будто он впервые за тысячи лет увидел что-то новое в старом правиле. — Невестой, — повторил он тихо, его синие глаза сверкнули в темноте. Он посмотрел в ту сторону, где скрылась Оливия, его улыбка стала глубже, медленнее, опаснее. Он ничего не сказал больше, не сделал ни одного движения, но весь его облик — расслабленная поза, бьющий хвост, сияющие глаза — говорили о том, что он только что вспомнил что-то интересное о себе и о мире. А в темноте, куда уплыла Оливия, не было ничего — только холодная вода и далёкий свет, который мерцал, как звёзды, упавшие на дно. Время шло, дни складывались в недели, недели в месяцы, и демон делал всё, чтобы Оливия почувствовала то, что чувствовал он — он приносил ей редкие ракушки, которые светились в темноте, охранял её, ни разу не прикоснувшись без её позволения. Смотрел на неё так, будто она была единственным, что имело значение в этой призрачной вселенной. Но Оливия не чувствовала к нему ничего, кроме странной благодарности, которая не согревала и не заставляла сердце биться быстрее, потому что её сердце вообще не билось, а мысли её снова и снова возвращались к Царю — к его белым волосам, к его синим глазам, к его запретным губам, которые она чуть не коснулась в прошлый раз. Она не могла забыть его, и это было страшно, потому что год таял, как лёд в тёплой воде, и если она не полюбит демона, они оба превратятся в камни — два серых валуна на дне морском, и никто не вспомнит, кем они были. Она не хотела становиться камнем, но ещё больше не хотела, чтобы демон, который дважды спасал её от смерти, превратился в камень из-за неё, из-за того, что она не смогла полюбить его, хотя очень старалась. И однажды ночью, когда демон ушёл на охоту, она снова поплыла к Царю. Он сидел на своём костяном троне, такой же прекрасный и холодный, как в прошлый раз. Его хвост медленно бил по песку, белые волосы парили в воде, и когда он увидел её, его синие глаза сверкнули. — Ты снова пришла, сестра. Оливия остановилась перед ним, опустила голову, не зная, как начать, потом подняла глаза и сказала: — Время идёт, Царь. А я к демону ничего не чувствую, совсем ничего. Я пыталась, я старалась, но моё сердце мертво, оно не бьётся ни для кого. И я не хочу становиться камнем. И я не хочу, чтобы он стал камнем из-за меня. Он дважды спас меня. Я не имею права губить его. Царь смотрел на неё спокойно, без сочувствия, без насмешки — просто наблюдал. — Ты просишь совета? — спросил он. — Да, — сказала Оливия. — Что мне делать? Царь покачал головой, его белые волосы заколыхались вокруг. — Я не могу помочь тебе советом, сестра. Договор есть договор. Условие поставлено — год на любовь. Не полюбишь — камни. Это не я придумал, так устроен мир. Я всего лишь исполнитель. Оливия сжала кулаки, её хвост напрягся, костяные позвонки хрустнули. — Тогда давай заключим другой договор. Царь наклонил голову, его синие глаза сузились. — Ещё договор? — Я собираю для тебя сто душ, — сказала Оливия, глядя ему прямо в глаза. — До того, как закончится срок. Сто душ и буду убивать для тебя, и я принесу тебе сто жизней, а ты не превратишь нас с демоном в булыжники. Ты оставишь его в покое. Царь молчал долгую минуту, потом его губы растянулись в медленной, холодной улыбке. — Сто душ, говоришь? — Да, — твёрдо ответила Оливия. — Я Чёрная Луна. Я умею убивать. Это единственное, что я умею. Царь откинулся на трон, провёл пальцами по своим белым волосам, задумался, потом посмотрел на неё сверху вниз. — Это невозможно, сестра. Сто душ — это много даже для такой хищницы, как ты. А времени у тебя осталось меньше половины года. Ты не успеешь. — Я попробую, — сказала Оливия, и в её голосе звучало отчаяние. — Я буду охотиться каждый день, каждую ночь, я не буду спать, я не буду отдыхать, я собираю их. Она опустилась на песок перед ним, сложила руки, как в молитве, и её пустые глаза, в которых не было слёз, смотрели на него с такой мольбой, что даже древнее сердце Царя дрогнуло. — Умоляю тебя, — прошептала она. — Не дай ему умереть из-за меня. Он не заслужил этого. Он любит меня, а я

не могу ответить. Это не его вина. Царь смотрел на неё долго, очень долго, а потом вздохнул — звук похожий на подводное землетрясение, на скрежет кораллов, на стон затонувших кораблей. — Хорошо, — сказал он. — Я соглашаюсь. Оливия подняла голову, на её лице появилась надежда. — Но с условием, — добавил Царь, поднимая палец. — Если ты не насобираешь для меня сто душ до того, как закончится год, то сгинешь именно ты, одна. Я не трону демона. Я покажу ему, что ты просила за него, что ты пыталась спасти его ценой своей вечности, раз ты так за него просишь. Он будет жить. А ты превратишься в камень, одна. Лежать тебе на дне одной. Согласна? Оливия замерла. Она смотрела на Царя, на его синие глаза, на его холодную улыбку, и понимала, что он даёт ей выбор, которого не было раньше, — пожертвовать собой. — Согласна, — сказала она, не раздумывая. Царь кивнул. — Тогда ступай, сестра. Время пошло. Сто душ. И ни одной меньше. Оливия поднялась с песка и поплыла прочь. А в голове у неё уже крутились планы, корабли, моряки, души, которые ей предстояло забрать, и она не знала, успеет ли, не знала, сможет ли, но знала одно — демон не превратится в камень из-за неё, даже если для этого ей придётся утопить всё море в крови. Царь смотрел ей вслед, и его улыбка медленно угасала, сменяясь задумчивостью. — Сто душ, — повторил он тихо. — Интересно, что она выберет, когда поймёт, что не успевает. Любовь к нему или смерть. Он погладил свой хвост, провёл пальцами по чешуе, и добавил, глядя в пустоту: — Ставки растут. Это становится интересно. Оливия не стала ждать ни дня. В ту же ночь она вышла на охоту, и море приняло её в свои чёрные объятия. Первый корабль она нашла на рассвете — торговое судно, гружённое шёлком и пряностями, шло из южных портов в столицу. На палубе стояли матросы, кто-то курил трубку, кто-то чинил снасти, никто не ждал смерти. Оливия подплыла к борту бесшумно, её хвост скользил в воде как тень. Костяные позвонки не издавали ни звука, потому что она научилась двигаться тише самой тишины. Она ждала. Ждала, когда один из матросов отойдёт к борту справить нужду, и когда он расстегнул штаны, отвернулся, она выбросила хвост из воды — позвонки сомкнулись вокруг его шеи, костяной шип вошёл в позвоночник. Даже не успел вскрикнуть, потому что её рука уже зажала ему рот, а её пальцы уже вошли в его грудь, раздвигая рёбра как мокрый песок, и вырвали сердце — тёплое, трепещущее, ещё живое. Она зажала его в кулаке, чувствуя, как кровь течёт по её запястью, и откусила кусок прямо при нём, пока он умирал, глядя на неё глазами, в которых застыл страх. Тело она стремительно сбросила в воду, перед этим хвост Оливии разорвал его пополам, как переспелый фрукт, кишки поплыли по волнам, привлекая акул, а сама она уже лезла на палубу, переваливаясь через борт. Её хвост ударил по доскам, и матросы, которые занимались своими делами, проснулись от звука — тяжёлого, похожего на удар плети. Они прибежали с топорами и ножами, кто-то кричал, кто-то молился, но Оливия уже была среди них, её хвост работал как кнут — костяные позвонки разрывали тела, шип вспарывал животы, из распоротых животов вываливались внутренности, скользкие и тёплые. Она кружилась на месте, и каждый удар хвоста оставлял после себя рассечённую плоть, сломанные рёбра, размозжённые черепа. Один матрос попытался ударить её топором по голове, она поймала его руку на лету, развернула её в другую сторону, и топор вошёл в его собственное плечо, разрубив ключицу пополам. Он истошно заорал, она наклонилась к его лицу, посмотрела в глаза: «Тише, тише, сейчас всё пройдёт». Поцеловала, высасывая душу через губы, он посинел и замер. Она отбросила тело в сторону и направилась дальше. Кровь текла по палубе ручьями, красная, густая, хлюпала под ней, когда Оливия ползла к следующей жертве, её волосы слиплись от крови. Улыбка не сходила с лица, голод внутри неё не утихал, а с каждым убийством становилась быстрее, сильнее, злее, безжалостнее. Капитан корабля — старый седой мужчина с пистолетом в руке — выстрелил ей в грудь, пуля вошла в плоть, не причинила боли, Оливия была мертва, и пули не могли убить её, она посмотрела на дырку в своей груди, на чёрную жижу, которая сочилась из раны, и рассмеялась. — Ты промахнулся, дедуля, — сказала она и бросилась на него. Её хвост обвил его ноги, костяные позвонки сжались, раздавив кости в труху, он упал на колени, а она встала перед

ним на хвосте вертикально, как змея перед прыжком, наклонилась, взяла его за подбородок и поцеловала — долго, глубоко, высасывая душу до конца, он посинел и замер. Сирена отпустила его, и он упал лицом в лужу собственной крови. К утру на корабле не осталось ни одного живого. Тридцать семь душ — она пересчитала их по головам, которые лежали вперемешку с кишками, по рукам, которые были разбросаны по палубе, по ногам, которые торчали из-под перевёрнутых бочек. Кровь была везде — на мачтах, на парусах, на лице Оливии, везде, чешуя блестела красным, костяные позвонки стали бурыми от запёкшейся крови. Она сидела на носу корабля, свесив хвост за борт, и смотрела на восходящее солнце, которое красило море в розовый цвет, смешанный с красным. Она облизывала пальцы, на которых засохла кровь, и считала в уме. — Тридцать семь, — прошептала она. — Осталось шестьдесят три. Она сползла в воду, и море приняло её, смывая кровь с её тела, но не смывая память о том, что она сделала, и не смывая запах смерти, который теперь преследовал её, куда бы она ни двигалась. На второй день она нашла рыбацкую лодку. Трое рыбаков, старик и два его сына, тянули сети, полные сельди, и не видели, как из-под воды поднялась тень. Оливия ударила хвостом по дну лодки, и доски разлетелись в щепки. Рыбаки оказались в воде, барахтаясь и крича, а она плавала вокруг них кругами, как акула, выбирая, кого съесть первым. Схватила младшего сына за ногу, костяной шип вошёл в бедро, дёрнула, и нога осталась в её руке, отдельно от тела, мальчик закричал, захлебываясь водой, отбросив ногу в сторону, нырнула за ним, схватила его за голову, пальцами выдавила глаза и поцеловала, высасывая душу через отсутствующие глазницы. Старик пытался уплыть, но Оливия догнала его в три взмаха хвоста, обвила его талию, позвонки сжались, раздавив позвоночник, он обмяк. Она не стала его целовать — просто разорвала хвостом пополам, верхняя половина тела ушла на дно, нижняя осталась болтаться на поверхности, привлекая чаек. Второй сын — тот, что был старше — доплыл до обломка лодки и держался за него, молясь всем богам, которых знал. Оливия подплыла к нему медленно, вынырнула перед ним, её лицо было прекрасным, как у куклы, и страшным, потому что на этом красивом лице была чужая кровь и чужие слёзы. — Не бойся, — сказала она. — Я тебя поцелую. Он закрыл глаза, и она сдержала слово — поцеловала его нежно, как любовника, он посинел и замер, отпустила его и тело ушло под воду. Три души. Шестьдесят осталось. Дни шли за днями, и Оливия не спала, не отдыхала, не возвращалась к демону, который ждал её и не понимал, где она так долго пропадает. Топила корабли один за другим — торговые, военные, рыбацкие лодки, даже маленькие шлюпки, если видела в них человеческие души. Она убивала всех, не разбирая возраста и пола, мужчин и женщин, стариков и детей, потому что голод внутри неё требовал жертв, а сделка с Царём требовала цифр. Научилась убивать быстро, экономно — одним ударом хвоста разбивала череп, одним укусом перегрызала горло, одним поцелуем высасывала душу, её хвост стал её главным оружием — костяные позвонки с острыми краями резали плоть как ножи, шип на конце входил в тела как кинжал, она двигалась среди жертв как смерч, оставляя после себя только разрушение и тишину. На одном корабле — большом, трёхмачтовом галеоне с пушками — она встретила сопротивление. Матросы построились в круг, с гарпунами и абордажными саблями, они были готовы и не боялись, потому что знали, что умирать, но хотели умереть достойно. Оливия улыбнулась и бросилась на них, её хвост со свистом рассекал воздух. Костяные позвонки стучали как погремушка смерти, она влетела в их строй, и они начали падать один за другим — кому разорвало грудь, кому вспорола живот, кому свернула шею. Кровь лилась рекой, она была вся красная — всё в крови. Кровь хлюпала под ногами бойцов, тёплая и липкая. Один из матросов, самый смелый, подбежал к ней сзади и вонзил гарпун ей в хвост, в чешуйчатую часть, гарпун прошёл сквозь плоть и прибил её к мачте. Она закричала — впервые за всё время охоты, — но не от боли, а от ярости, развернула костяную часть хвоста, шип вошёл ему в живот, подняла его на шипе, как на крючке, и держала в воздухе, пока он умирал, потом стряхнула тело, выдернула гарпун из хвоста, не обращая внимания на рану, и продолжила убивать. К утру галеон был

мёртвым кораблём — шесть десятков душ, мужчины, которые пришли умирать с оружием, ни одной женщины, ни одного ребёнка, только взрослые, сильные мужчины. Оливия сидела на куче тел, сложенных ею же в пирамиду, и пересчитывала убитых.— Сто десять, — прошептала она и улыбнулась. — Я перевыполнила план. Она скатилась с пирамиды, погрузилась в воду и направилась к Царю, чтобы отчитаться, но когда она приплыла, Царь покачал головой.— Сто душ, сестра, — сказал он. — Я говорил о ста душах, собранных до окончания срока. Ты собрала их за три месяца, это похвально. Но я не сказал, что они должны быть человеческими. Оливия замерла.— Что?— Души могут быть разными, — ответил Царь, и его синие глаза сверкнули. — Человеческие, русалочки, демонические. Ты выбрала самые лёгкие. Я же хотел проверить, на что ты готова ради демона. Сто душ — это сто душ. Но ты не уточнила, чьи именно. Оливия сжала кулаки, её хвост напрягся, костяные позвонки застучали друг о друга.— Ты обманул меня!— Я не обманул, — спокойно ответил Царь. — Я не договорил. Это разные вещи.— Что мне теперь делать? — прошептала она, чувствуя, как отчаяние накрывает её с головой. Царь пожал плечами.— У тебя осталось три месяца, сестра. Ты можешь продолжать собирать человеческие души, но их уже сто, и я не засчитаю их. Ты можешь начать собирать другие. Или ты можешь признать, что проиграла. Оливия смотрела на него, на его красивое лицо, на его синие глаза, на его холодную улыбку, и понимала, что он с самого начала знал, что она не успеет. Не сможет, что он дал ей надежду только для того, чтобы отнять её, и что теперь у неё есть всего три месяца на то, чтобы собрать сто душ сирен, или она превратится в камень одна, без демона, на вечное одиночество на дне морском.— Я соберу, — сказала она твёрдо. — Даже если мне придётся убить всех сирен в море. Царь улыбнулся своей древней, холодной улыбкой. — Посмотрим, сестра. Посмотрим. Три месяца Оливия охотилась на сирен. Это было не то же самое, что убивать людей — люди были слабыми, медленными, они не умели дышать под водой и не могли защитить себя от её хвоста и её поцелуя. Сирены были другими, сирены были как она — быстрые, сильные, безжалостные, с хвостами, которые могли разорвать пополам, и с голосами, которые могли парализовать волю. Первую сирену она нашла в затонувшем корабле, та пряталась среди обломков и ржавых пушек. Молодая, красивая, с зелёной чешуёй и чёрными волосами, она не ожидала нападения. Оливия подкралась бесшумно, как тень, но в последний момент сирена почуяв её, развернулась, и их хвосты скрестились как мечи — костяные позвонки застучали друг о друга, шипы царапали. Они кружились в воде, вцепившись друг в друга, как две морские рыбыны, которые делят одну добычу. Сирена оказалась сильнее, она повалила Оливию на песок, прижала её хвостом к земле, её шип замер у горла Оливии, и она усмехалась, обнажив острые зубы: «Ты глупая, сестра, зачем ты напала на меня?», но Оливия не ответила. Рванула вперёд, вцепилась зубами в плечо сирены, прокусила чешую до кости, та закричала, и Оливия перехватила инициативу, обвила её хвостом, позвонки сжались, ломая рёбра, шип вошёл в плоть. Она крутила его внутри, наматывая кишки на костяной наконечник, и когда сирена обмякла, Оливия поцеловала её в губы, высасывая остатки души, это заняло почти минуту — сирена сопротивлялась даже мёртвая. Первая душа. Вторую сирену она нашла у подводной скалы, та была старше и опытнее, её хвост был покрыт шрамами, а глаза горели жёлтым огнём. Они бились час — вода вокруг почернела от крови, чешуя плавала между ними, позвонки хрустели под ударами, сирена несколько раз почти побеждала — она вонзила шип в бедро Оливии, разорвала ей бок, сломала два ребра. Но Оливия не сдавалась, дралась как бешеная, потому что знала, что если не убьёт, то умрёт сама, и в конце концов она задушила сирену хвостом, сдавив её горло так сильно, что позвонки сирены хрустнули и сложились как гармошка. Оливия ещё долго била её головой о скалу, пока та не переставала дышать. Вторая душа. Третья была самой страшной — это был мужчина-сирена, огромный, с хвостом из чёрной чешуи, которая блестела как нефть, его руки были в шрамах, а глаза — пустыми, как у Царя. Он не убежал, он будто ждал её, и когда она появилась из темноты, он сказал: — Царь послал тебя, сестра?— Нет, я пришла сама. Он усмехнулся: — Тогда ты

умрёшь. Они бились долго, очень долго, он был сильнее, его хвост ломал кораллы как спички, его шип пробивал камни, он отбросил Оливию на десяток метров ударом хвоста, она врезалась в скалу и потеряла сознание на несколько секунд, но когда открыла глаза, он уже нависал над ней, его шип замер у её сердца, и он сказал: — Ты слабая, сестра, зачем ты вообще родилась? В этот момент Оливия вспомнила демона, который дважды приходил на поклон ради неё, и Царя, который поставил условие, и свою жизнь, которая ничего не стоила, резко выбросила руку вперёд, схватила его шип на лету, сломала его, вцепилась зубами в лицо и рвала, рвала, рвала, пока он не перестал кричать, и тогда она вырвала его сердце руками, огромное, и сжала его. Кровь брызнула в море, растекаясь как краска. Третья душа. Только три. Только три сирены за три месяца. Остальные были слишком древними, слишком быстрыми или слишком умными, они уходили в такие глубины, куда Оливия не могла нырнуть, они собирались в стаи и начали охотиться на неё саму. Ей приходилось убегать, прятаться, зализывать раны. Она поняла, что не успеет, что сто душ сирен — это невозможно, что Царь с самого начала знал это и дал ей задание, которое она не могла выполнить. Наступил последний день, последний час, последний миг. Была почти полночь, когда Оливия прибыла к Царю. Он сидел на своём костяном троне, белые волосы парили в воде, хвост медленно бил по песку, синие глаза смотрели на неё без жалости, без гнева, без надежды — просто смотрели. Оливия упала перед ним на песок, сложила руки, её хвост был изранен, чешуя содрана, костяные позвонки сломаны в трёх местах, и голос её был хриплым от криков.— Царь, — прошептала она. — Умоляю тебя, сохрани мне жизнь. Я не успела, я пыталась, я убивала, я рисковала, но я не могу убить сто сирен, они сильнее меня, их слишком много, а время закончилось. Царь покачал головой, его белые волосы заколыхались вокруг.— Договор есть договор, сестра. Ты не собрала сто душ. Ты не успела. Я не могу нарушить своё слово.— Пожалуйста, — она протянула к нему руки. — Я сделаю всё, что ты скажешь, я буду служить тебе вечно, я буду убивать для тебя, я стану твоей рабыней, только не дай мне превратиться в камень. Царь молчал, его синие глаза не моргали.— Я не могу, — сказал он наконец. — Правила есть правила, сестра. Оливия опустила голову, слёз не было, потому что мёртвые не плачут, её плечи дрожали, и хвост бился по песку в агонии отчаяния. Она подняла глаза. Посмотрела на Царя — на его красивое лицо, на его острые скулы, на его тёмно-синие губы, на его белые волосы, которые парили в воде как медузы, на его синие глаза, в которых не было ничего, кроме вечности. Что-то внутри неё снова потянулось к нему, как в первый раз, как будто она была мотыльком, а он — огнём, как будто она не могла не лететь на этот свет. Медленно поднялась с песка, её хвост скользнул по дну, приближаясь к нему, как замороженная, её лицо оказалось напротив его лица, она смотрела на его губы, и весь мир исчез — не стало ни моря, ни времени, ни демона, ни сделки, ни камней. Только он, только его губы, только то, что она хотела коснуться их хотя бы раз перед смертью. Она закрыла глаза и потянулась к нему. Её губы почти коснулись его губ, и палец Царя снова переградил путь, но в этот раз он не отстранил её, не убрал, просто держал палец на её губах, и она чувствовала холод его кожи, и это было единственное, что она чувствовала в последние минуты своей жизни. Оливия открыла глаза и посмотрела прямо в глаза Царя, не отводя взгляда, не отстраняясь, и ждала. Царь смотрел на неё долгую минуту, и в его синих глазах мелькнуло что-то — не жалость, не нежность, не любовь, а что-то древнее и тёплое, что он не чувствовал тысячи лет.— Иди к демону, — сказал он тихо, и его голос звучал как далёкое пение, как последняя надежда, как шёпот, который спасает. — Клянись ему в вечной любви. Ещё успеешь. Оливия замерла, её глаза расширились.— Что?— Иди, — повторил он. — Почти полночь. Оливия отстранилась, сделала шаг назад, её хвост дрожал, она не понимала, что происходит, не понимала, почему он отпускает её, почему он не даёт ей умереть, но времени действительно не было — она посмотрела вверх, сквозь толщу воды, на поверхность, где должна была взойти луна, и поняла, что он прав, ещё есть секунды, ещё можно успеть, ещё можно сказать демону то, что не произносила никогда. Но она не двинулась с места.

Закрывает глаза, опускает голову и замерла, готовая принять свою участь, потому что устала, потому что она не могла больше убивать, потому что не хотела лгать демону клятвой в любви, которую не чувствовала, потому что честность перед смертью была единственным, что у неё осталось. Вибрация пошла по воде — тонкая, едва уловимая, как звон колокола под водой, как дрожь земли перед землетрясением, как последний вздох умирающего. Полночь наступала, и с последней вибрацией, с последним звуком уходящего времени, когда камень уже начал расти в её груди, сирена почувствовала губы на своих губах. Холодные. Мягкие. Нежные. Чужие и такие желанные. Она открыла глаза. Царь целовал её. Его лицо было рядом, его глаза были закрыты, его белые волосы парили вокруг них, как занавес, который скрывал их от всего мира, его хвост обнял её хвост, чешуя коснулась чешуи, позвонки сплелись в один узел, и он целовал её так, как будто ждал этого тысячу лет, как будто она была первой и единственной, как будто он забыл, кто он и кто она, и вспомнил только в последний миг, когда время могло закончиться. Он отстранился первым, открыл глаза и посмотрел на неё сияющим синим взглядом. — Я передумал, — сказал он тихо. — Не хочу, чтобы ты становилась камнем. Оливия смотрела на него, не веря своим глазам, не веря своим губам, которые всё ещё помнили его холод. — Ты поцеловал меня, — прошептала она. Царь улыбнулся — не холодно, не насмешливо, а тепло, как будто он впервые в жизни улыбался по-настоящему. — Да, — сказал он. — Ты стала не сестрой, а невестой. Ты будешь моей. Оливия смотрела на него, и её грудь, где уже начал расти камень, снова стала мягкой, снова стала плотью, снова стала живой — настолько живой, насколько может быть мертвая сирена. — А демон? — спросила она. Царь покачал головой. — Демон получит свою жизнь. Я не превращу его в камень. Ты просила за него — я выполнил твою просьбу. Но ты теперь не его. Ты моя. Придётся стереть ему память, если потребуется. Оливия опустила голову, потом снова подняла и посмотрела ему в глаза. — А если я не хочу быть твоей? Царь наклонил голову, его улыбка стала задумчивой. — Ты хочешь быть камнем? — Нет. — Ты хочешь быть с демоном? Оливия молчала долгую минуту, а потом сказала тихо: — Нет. Царь взял её лицо в свои ладони, посмотрел ей в глаза и сказал: — Теперь у тебя точно нет выбора. Поцелуй, как печать для живых. Она замерла в его объятиях, чувствуя всё ещё холод его губ, и когда он отстранился. Оливия посмотрела в сторону — и только тогда заметила, что вокруг них, на песке, на кораллах, на обломках кораблей, лежит белый свет. Он струился откуда-то сверху, пробивался сквозь толщу воды и ложился на всё мягким серебром. Она провела ладонью по своим волосам, — и поднесла прядь к глазам. Тёмные локоны теперь были переплетены с белыми, словно седина, лунная, словно её волосы впитали свет, который лился вокруг. Смотрела на эту прядь, и не могла понять что происходит. — Что со мной? — тихо спросила она. Царь провёл пальцами по её волосам, взял одну белую прядь и поднёс к своим губам. — Ты поцеловала меня, сестра. Теперь ты не только Чёрная Луна. Ты — невеста Царя. И море приняло тебя. — Мои волосы... — Отныне ты будешь носить в себе мой свет, — сказал он, отпуская прядь. — Это знак. Белые нити — это память о нашем поцелуе. С каждым разом их будет всё больше, пока ты полностью не станешь моей. Оливия снова посмотрела на свои волосы, провела по ним пальцами — белые пряди были мягкими, холодными, как морская пена. Она не знала, радоваться ей или бояться, но внутри что-то изменилось, словно старые сомнения ушли, а на их месте поселилась тихая, ледяная решимость. — А демон? — спросила она снова, не поднимая глаз. — Демон будет жить, — ответил Царь. — Ты сдержала слово. Ты пришла ко мне, и я не дал тебе стать камнем. Но отныне твоё место здесь. Рядом со мной. Оливия молчала. Белый свет вокруг неё мерцал, переливался на чешуе, на костяных позвонках хвоста, на её новых белых прядях. И ей показалось, что она наконец нашла то место, где ей не нужно никого убивать, чтобы остаться собой. Или это только казалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.